

№1 Гостиница

г. Ленинград - Дрезбургское театральное училище

Елизавета
ВЕРТОУСОВА,
Галина МАТВИЕВСКАЯ,
Инна ЗУБОВА

«ПРИЯТНОЕ НОВОВВЕДЕНИЕ»

*О любительском театре
в Оренбурге XIX века*

Оренбургский драматический театр имени М. Горького считается старейшим на Урале, и это справедливо. Но всё же знакомство оренбуржцев с театральным искусством началось ранее 1856 года – официальной даты «укоре-

Документы тридцатых-сороковых годов XIX века, главным образом письма, доносят до нас множество свидетельств того, насколько оживлённой была культурная жизнь Оренбурга в ту пору, когда здесь не существовало никаких учреждений культуры (в привычном для нас понимании). Очень интересны, например, письма Евгении Ворониной, приехавшей погостить в Оренбург из Самары вместе со своими подругами – дочерьми самарского помещика Петра Ивановича Шелашникова. Девушка пробыла в Оренбурге три месяца. В письмах к матери и приятельнице Е. Л. Энгельке она живо описывает, как проводил досуг оренбургский «свет» в первые месяцы после вступления в должность нового военного губернатора генерал-адъютанта В. А. Перовского.

Шелашниковы, въехавшие в Оренбург 20 сентября 1833 года, всего на несколько часов разминувшись с Пушкиным, в первой половине этого же дня отправившимся в Уральск. Но город был ещё полон неостывших впечатлений от пребывания здесь великого поэта.

нения в городе первой профессиональной труппы. Вечерами, собираясь то в одном, то в другом доме, чиновники, офицеры, дамы читали и обсуждали новинки литературы, музицировали, ставили любительские спектакли

В первом же письме домой Воронина сообщила:

«Пушкина мы уже не застали... он уехал накануне нашего приезда. Цель его путешествия – собрать сведения о Пугачёве, которого историю он намеревается писать. Верстах в семи от Оренбурга есть деревня Бёрды, где живёт одна старуха, которая знает много подробностей о Пугачёве, и Пушкин ездил туда её расспрашивать. Она рассказала ему много прелюбопытного и даже пела ему несколько пугачёвских песен».

Несколько дней после приезда Шелашниковы занимались тем, что делали визиты и хлопотали по устройству задуманного ими бала. Девушки, между тем, изнывали от скуки. «Ни книг, ни фортепиано, – жаловалась в письме Воронина. – Не знаю, удастся ли достать здесь то и другое...»

Скоро всё переменялось: устроенный Шелашниковыми бал удался, новые знакомые прислали фортепиано и книги, начались ответные визиты. В числе тех, кто посетил тогда самарцев, была и первая жена В. И. Даля, Юлия Егоровна.

Именно благодаря Ворониной у нас есть её очаровательный словесный портрет:

«Мадам Даль мила как нельзя более: миньютюрненькая, голосок тоненький, звонкий, ну точно колибри эта интересная немочка».

В письме от 2 октября описывается первая встреча с самим В. И. Далем, о котором прежде упоминалось как о муже мадам Даль, известном литераторе Казаке Луганском.

«Военный губернатор не очень здоров, – пишет Воронина, – утром приезжал извиниться, что не может обедать. Обедало у нас довольно много, в том числе и дамы: мадам Стеллих с дочерью и мадам Даль, муж её был занят, не мог быть на обеде, но приехал к вечеру. Наружность его очень мало общает. Его надобно, так сказать, расшевелить, чтобы он заговорил, а очень приятно слушать его, когда разговорится. В этот вечер какой-то фокусник (Гейтфиш) давал представления, и мы со всеми гостями отправились смотреть его штуки. Но

В. А. Перовский.
Скульптор Н. Петина

это так было продолжительно, что мы возвратились домой, не дождав-шись конца. Оттуда многие опять к нам явились».

Видимо, в тот день Даль был не настроен развлекаться, и потому произвёл на дам впечатление приятного, но не особенно примечательного человека. Через несколько дней, 8 октября, впечатления о нём были уже совершенно иные:

«Вечер провели мы очень приятно. Сначала явился Дурасов, потом Перовский с Далем и его женой. Перовский

уехал ранее всех, тогда Даль послал за своими сказками и прочёл две из них, презабавные и прекрасно написанные в самых русских выражениях. Одна под названием «О воре и бурой коровы», другая «Дочь Стросва или коро-вуха-Бурёнушка». И он читал их очень хорошо. Потом

начали петь: прежде Дурасов, который поёт прекрасно, потом жена Даля преприятным голоском; наконец, составили трио: Дурасов и Даль с женой пели русские песни прелестно».

Дурасова, дальнего родственника Шелашниковых, называли «хозяйкой» Перовского – за умение помогать в хлопотах по домашнему устройству. Вместе с тем это был весёлый и любезный молодой человек, «душа общества». Что же касается В. И. Даля, то он был «в ударе», и общество имело возможность убедиться в его несомненных актёрских и музыкальных способностях, о которых свидетельствуют воспоминания его близких.

О том, как в семье любили петь, вспоминает, например, дочь Даля Екатерина. По её словам, у матери Даля, Юлии Христовой, был «голос европейской певицы», и она не любила «петь зря», пела только под аккомпанемент, то есть относилась к пению серьёзно. Описывая же собственное детство, Екатерина Владимировна рассказывает, как отец любил проводить редкие минуты отдыха с детьми и пел тогда с ними русские и украинские песни.

А великий хирург Н. И. Пирогов вспоминал, как однажды, вскоре после своего приезда на учёбу в Дерпт, услышал под окном музыку, и выглянув, увидел студента, играющего на губной гармошке мелодию русской народной песни «Здравствуй, милая, хорошая моя!» Это был В. И. Даль, который пришёл знакомиться с новыми товарищами-студентами. Пирогов упомина-

Юлия Даль

ет и об «имитаторском» таланте Даля, с каким тот умел изобразить любого знакомого или подражал различным звукам, например, жужжанию мухи. Можно себе представить, как мастерски читал он сказки, например, «Дочь Строева, или Коровушка-Бурёнушка» (вариант «Крошечки-Хавропечки»).

О большом интересе и любви Даля к русским народным песням говорит и его статья, напечатанная в газете «Северная пчела» 25 марта 1833 года – незадолго до отъезда в Оренбург. Начинается она в характерной для Даля занимательной форме:

«На днях получил я от свата и тётки своего, от казака Луганского, письмишко, в котором между прочим с большою заботливостью поручает он мне похвалить... издание русских песен И. А. Рупини, завезённое ему кем-то в рукописи, и, кроме того, сходить мне самому к издателю песен и сказать ему лично за такое доброе дело «спасибо». Последнее я охотно исполнил, был и благодарил художника именем свата и тётки моего за то, что Рупини, как русский, собрал, приспособил и снарядил двенадцать лучших народных песен наших ко вступлению в образованное русское общество. Что же касается до первого, до похвалы, которую, яко посылную лепту, на алтарь отечественный мне принести поручается, то не знаю, сумею ли убедить земляков и землячек наших в том, что: 1-е, русские песни наши действительно хороши, 2-е, что Рупини избрал со вкусом из этих хо-

Генерал-губернаторский дом

роших лучшие, 3-е, что он положил их напевы на ноты искусно, хорошо, и сохраняя вполне народность их».

Интересно и то, какие из двенадцати песен Даль выделяет как наиболее замечательные:

«Сват и тётка мой особенно обрадовался родной своей казачьей песне: «Не белы снеги в чистом поле забелелися», за которой непосредственно следует плясовая: «Во лугах, во зелёных лугах», а в честь песни: «Что не пыль в поле пылит, француз с армией валит», которую сложили и певали ратники наши и ополченные в 1812 году, снял он шапку и перекрестился. Песни же «Не шуми, мати зелёная дубрава, не мешай мне, добру молодцу, думу думати», не может заслушаться. При этой песне, говорит он, кашей не корми и вином не пой. Ложку, того гляди, пронесёшь за ухо, проплеснёшь чару зелёна вина – а плескать его грех, его, люди сказывали, курят из хлеба засушеного! Эта песня сложена, и слова и голос, известным разбойником Ванькой Канном, и принадлежит, несомненно, к числу истинно народных песен, сочинённых без всякой пиитики и генерал-баса, но вытесненных избытком чувств из груди мочуей, из души глубокой, воспрянувшей при обстоятельствах необыкновенных».

Как тут не вспомнить Пушкина, его «Капитанскую дочку», эпизод, когда Пугачёв предлагает своим людям спеть его любимую песню, и запевала Чумаков начинает:

«Не шуми, мати зелёная дубровушка...» Пушкин приводит песню целиком и отмечает от лица Гринёва:

«Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным – всё потрясло меня каким-то пиитическим ужасом».

Скорее всего, и Пушкин был знаком со сборником Рупини. Возможно, они с Да-

лем говорили об этом сборнике ещё в Петербурге, а потом и во время прогулки по Оренбургу. Вполне вероятно также, что какие-то песни из этих двенадцати пели дома, а потом и на музыкальных вечерах Даль и его жена Юлия Егоровна. А такие вечера в Оренбурге повторялись регулярно.

Двадцатого ноября 1833 года Е. Воронина пишет:

«В пятницу был у нас опять небольшой музыкальный вечер. Был Стеллих с дочерьми и с зятем, Верстовским, который фантазировал на фортепиано, потом сопровождал Дурасову, пропевшему несколько итальянских арий и романсов, а в заключение к нему присоединились Даль с женой и пели русские песни очаровательно».

В тот вечер Юлия Егоровна и рассказала широко известную ныне историю о двух своих знакомых барышнях, которые, забравшись на дерево, смотрели на Пушкина, весело разговаривавшего с Далем в его кабинете...

«Сегодня, – продолжает Воронина в том же письме, – празднуется восшествие на престол Государя Императора, и по этому случаю был торжественный обед у военного губернатора, а вечером имеет быть блистательнейшее собрание, куда в большом количестве наберётся всё прыгающее, просто ходящее и даже, вероятно, еле двигающееся в Оренбурге».

Были у девушек и другие развлечения. Они совершали прогулки с Петром Ивановичем Шелашниковым или «в большом обществе», посетили музей Неплюевского училища, где Ф. К. Зан «показывал всё достойное примечания, но надо быть несколько раз, чтобы рассмотреть

всё подробно». Ездили за Урал, в рощу, «в сад, который взрастила сама природа, а искусство только расчистило». Прошлись по валу, месту ежевечерних прогулок

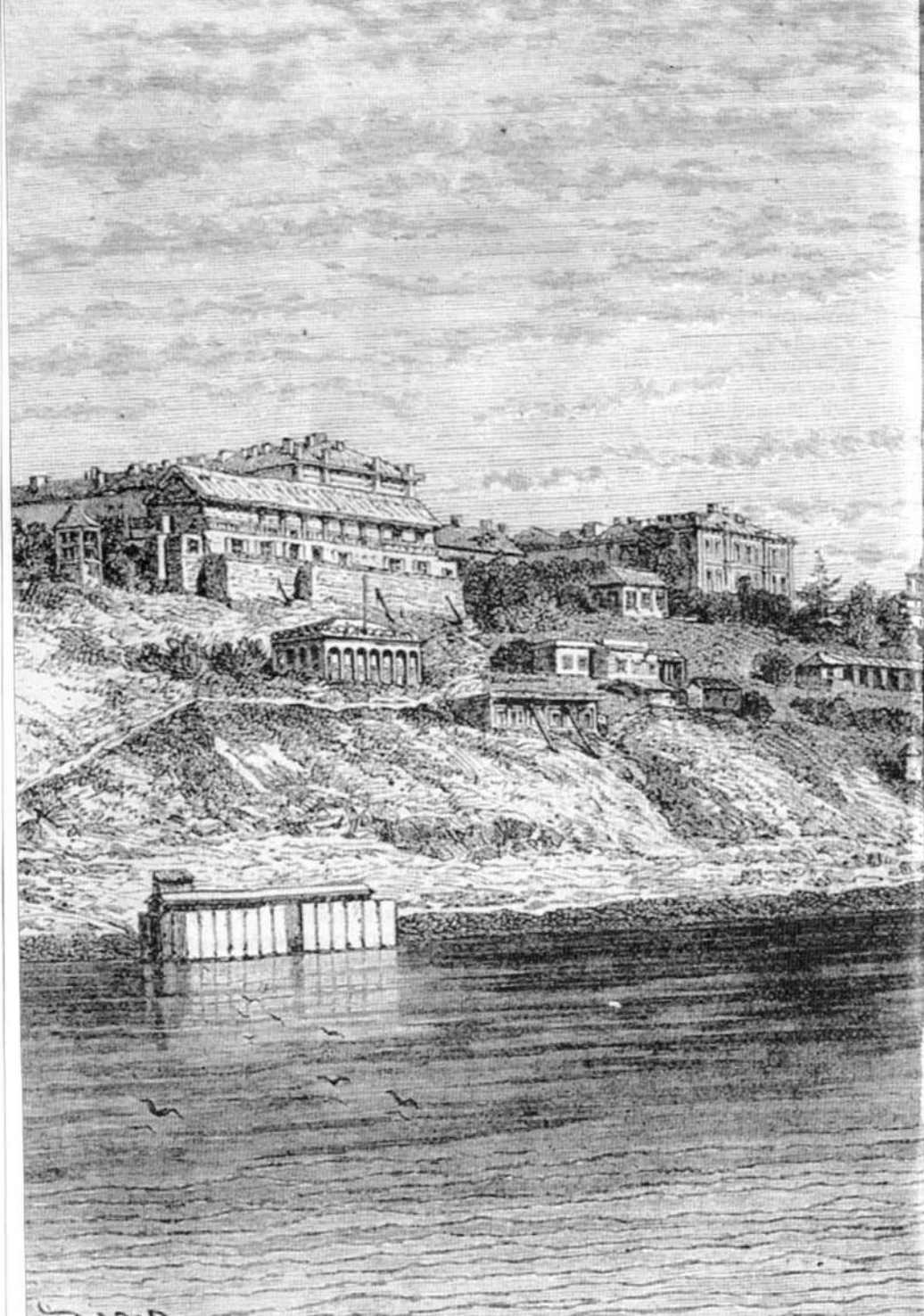
Владимир Даль

Оренбургской публички в летнее время, «с которого открываются очень хорошие виды». Съездили в Илецкую заштиту (Соль-Илецк – Авт.), где видели «неисчерпаемое богатство природы», а на следующий день, «снабжённые Григорием Никаноровичем (Струковым, управляющим конторой Илецкого соляного правления. – Авт.) разными вещичами, выделанными из сердевины соли, отправились обратно в Оренбург, предвольные путешественники».

Встретили на меновом дворе караван из 250 верблюдов, подивились на людей в восточных одежнях... В последнем письме от 26 ноября Воронина описывает поездку в Бёрды «к старушке, которая рассказывала Пушкину о Пугачёве». «Старушка» (Бунтова. – Авт.) и на этот раз рассказала немало интересного, вспомнила и Пушкина. Письмо заканчивается так:

«Концерта сегодня не было, а назначен в среду, а в четверг будет у нас вечер уже последний! Увы! В Николин день назначен маскарад, где мы, я думаю, будем. А на другой день предполагаем выехать. Жалко мне так скоро оставить Оренбург. Я ещё ни одного места так не любила... Не рассердитесь на меня за это! Согласитесь, что Самара несносна...»

Нет ничего удивительного в том, что жизнерадостной и любознательной барышне Оренбург показался оживлённым и совершенно столичным городом. Он и в самом деле был таким – в эпоху перво-

го губернаторства В. А. Перовского, привёзшего с собою множество новых и интересных людей.

В те самые дни, когда Евгения Ворони на гостила в Оренбурге, В. И. Даль писал Н. И. Гречу:

«Идея защита недавно сторела. Правительством немедленно были взяты меры для удовлетворения первым и крайним нуждам жителей..., а любители музыки благородного оренбургского круга соединёнными силами дали концерт в пользу погоревших: выручено более 1500 рублей...»

Вспоминаю почасту четверги ваши, Николай Иванович, на коих, бывало, видишь и слышишь первых художников столицы...»

Последнее замечание Даля заставляет вспомнить и о его «четвергах», которые он впоследствии завёл в Оренбурге. Пока же Даль продолжал участвовать в музыкальных и литературных вечерах, на которых исполнял не только песни и свои сказки. В течение нескольких таких вечеров он, например, знакомил оренбургское общество с так называемыми «Малороссийскими повестями, рассказываемыми Грицьком Основьяненком».

Грицко Основьяненко – псевдоним видного украинского писателя и драматурга Григория Фёдоровича Квитки (1778-1843). В 1834 году вышла в свет первая книжка его «Малороссийских повестей», через три года – вторая. О том, как высоко ценил Даль творчество этого писателя, говорят его отзывы, помещавшиеся в столичных газетах.

«Я на днях читал их (повести. – Авт.) – пишет Даль в «Северный пчел», – в образованном кругу женщин, которых часть не знала вовсе по-малороссийски. При первой странице все восклицали: «Что

это такое? Мы ни слова не понимаем!» Потом начали останавливать меня реже, спрашивая только объяснения на то, на другое. А потом стали вслушиваться внимательно. И когда я после первой четверти рассказа или повести хотел кончить – все просили в голос продолжать, уверяя, что уже почти всё понимают, и мы читали книжку Основьяненка четыре вечера сряду, доколе не кончили её всю, от доски до доски».

Эти статьи, рецензии и, безусловно, письма позволяют хотя бы приблизительно представить широту и разнообразие литературно-музыкальных вечеров оренбургского общества при В. А. Перовском. На таких вечерах, но уже при следующем губернаторе, Обручеве, и родилась идея создания любительского театра в городе. Осуществление её связано с семьёй И. Ф. Бларамберга.

Подполковник Генерального штаба Иван Фёдорович Бларамберг прибыл в Оренбург морозной зимой 1841 года. К новому месту службы он привёз, буквально из-под венца, молодую жену – крымскую гречанку Елену Павловну Бларамберг, урождённую Мавромихали.

В своих «Воспоминаниях» Бларамберг так описывает первые впечатления от Оренбурга той поры:

«Оренбург был тогда настоящим военным городом: в нём расположились все власти, и так как большая часть жителей этого края состояла из казаков или башкир, несущих военную службу, то здесь было полным полно офицеров всех чинов – настоящий парад мундиров. Линейная пехота, пешая и конная казачья артиллерия, оренбургские и уральские казаки, башкиры и киргизы – все они были представлены здесь. В

И. Ф. Бларамберг

Оренбурге находилось и много гвардейских офицеров из Петербурга, которые служили под началом военного губернатора генерал-адъютанта Перовского, собравшего возле себя блестящий круг образованных военных и гражданских чиновников, так что жизнь проходила здесь очень интересно и отдалённость от столицы не ощущалась».

«Жизнь в Оренбурге была тогда очень оживлённой. В зимние месяцы обычно в течение недели собирались каждый вечер в одном определённом доме. Здесь обменивались новостями, музицировали, молодёжь танцевала, пожилые господа и дамы играли в карты».

Бларамберг быстро освоился в новом для себя обществе:

«Свободные вечера я проводил в обществе образованных людей, которых тогда в Оренбурге было много... Так, литературные вечера, которые мы устраивали у меня, у генерала Генса, доктора Розенбергера, Владимира Даля, Ханькова, полковника Цеге фон Лауренберга и других проходили очень интересно и были почитательны, ибо каждый должен был рассказать о своей жизни или о своих путешествиях, либо прочесть из художественной литературы. Нам было разрешено провести в узком кругу даже музыкальный вечер, где играл профессиональный музыкант и замечательный пианист Кольрайф, находившийся здесь в ссылке. Его концерт был составлен из произведений многих композиторов – от Поллегрини до Тальберга и Листа».

В 1842 году, после отъезда В. А. Перовского из Оренбурга, город покинули мно-

гие его сподвижники. Но и в последующие годы, как отмечает И. Ф. Бларамберг: «служебные дела и развлечения чередовались».

О зиме 1843-1844 годов он вспоминает: «Мои офицеры Генерального штаба устроили в Оренбурге приятное нововведение – любительский театр в пользу бедняков и к великому удовольствию публики. Это предложение было высказано однажды вечером в моём доме в октябре 1843 г. и встречено рукоплесканиями. Генерал Обручев и особенно его супруга очень заинтересовались этим предложением и сразу же предоставили нам подходящее помещение в одном из больших залов дворянского собрания. Мою супругу единогласно выбрали директором, поручика Р. – режиссёром, сам я взял на себя роль оформителя, а также и билетного кассира и бухгалтера. Первые небольшие пьесы, поставленные нами, были приняты бурными аплодисментами и неожиданно выявили таланты, о которых мы и не подозревали. Пьесы обычно подбирали на нашей квартире и сразу же распределяли роли...»

Распределение не всегда заканчивалось мирно, поскольку каждая из дам «хотела играть лучшую роль», и Елене Павловне приходилось улаживать конфликты, разгоравшиеся в театре на почве «творческой ревности».

«Немного разучив роли, – продолжает Иван Фёдорович, – приступали к репетициям у нас дома; я подыгрывал на рояле мелодии арий и дуэтов и т. д.; затем репетировали на сцене, куда посторонние не допускались».

Польский офицер Обнинский, замечательный музыкант, дирижировал солдатским оркестром штаба, состоявшим в основном из поляков и евреев. Генеральная репетиция проходила на сцене в костюмах. По многочисленным просьбам родителей, в партер по билетам пускали детей в сопровождении гувернанток, а также нескольких матерей или родственников исполнительниц, чтобы последние могли привыкнуть к публике.

Премьеры выливались в праздники для всего Оренбурга. Билеты обычно расхва-

Здание благородного собрания. XIX век. С рисунка В. В. Дорофеева

тывались заранее на всю зиму. Были абонированы половина мест и все приставные стулья. Зал был всегда полон. В антракте многочисленная публика прогуливалась в большом танцевальном зале, пока звонок не возвестил начала следующего акта. Представление заканчивалось обычно небольшим импровизированным балом и ужином, и все были довольны.

Поскольку дамы и господа были так любезны, что сами заботились о своих костюмах, расходы на освещение, декорации и обслуживание были незначительными. Выручка почти не расходовалась, и мы могли позволить себе помочь оренбургским беднякам...

О своей жене И. Ф. Бларамберг пишет часто и всегда с восхищением: «Моя жена, попавшая из тёплых долин Таврии в жестокий холодный климат, терпела лишения как спартанка, «моя жена в своём греческом костюме была прелестна»...

Елену Павловну Бларамберг в греческом костюме оренбуржцы сегодня могут увидеть в музее Т. Г. Шевченко (ул. Правды, 8). Шевченко, отбывая ссылку в Оренбургском крае, зиму 1849-1850 годов провёл в Оренбурге, и в это время написал портреты жены губернатора Обручева и Е. П. Бларамберг.

В 1851 году скончалась мать Елены Павловны, и она, соблюдая траур, сложила с себя обязанности директора любительского театра, прекратила посещение всех вечеров и спектаклей. Иван Фёдорович также перестал заниматься театром.

В декабре 1855 года И. Ф. Бларамберг был переведён в Петербург в распоряжение военного министра. Последние годы жизни он провёл в имении жены близ Севастополя, где скончался 8 декабря 1878 года, пережив свою жену почти на три года...

Постановки любительского театра в Дворянском собрании продолжались и после отъезда Бларамбергов. Но в 1856 году в этом здании обосновался профессиональный театр, и молодые офицеры и чиновники, служившие у Перовского, вернувшегося в Оренбург в 1851 году, просили у генерал-губернатора отдать

им под любительские спектакли манеж Неплюевского училища.

В начале 60-х годов, как пишет историк П. Н. Столпянский, «манеж был приспособлен, по распоряжению генерал-губернатора, для театральных представлений. Сначала театр находился под управлением особого директора из военных, играли в театре главным образом любители. Но, очевидно, канцелярии генерал-губернатора прискучило вести театральное дело и было решено передать здание театра в ведение города. Переписка об этой передаче началась 7 апреля 1866 г. и только 22 мая 1870 г. была совершена городской комиссией приёмка здания... Гласные были против приёма здания театра, не видя в нём пользы, а ожидая только расходы. Хотя здание театра было уступлено даром, но всё же город должен был вылатить 6718 р. 80 к., издержанных на ремонт театра».

Критикуя городскую думу за то, что она «смотрела и смотрит на городской театр... с совершенно неправильной точки зрения – главным образом, как на арендную статью», П. Н. Столпянский был убеждён:

«Рано или поздно придётся прийти к сознанию, что городской театр имеет для города почти такое же значение, как и городское училище и что город должен сам содержать театр, чтобы последний был достойным делом каждого гражданина и давал здоровую эстетическую пищу».

Использованная литература:

- Письма из Оренбурга 1833 года. Публикация Алмазова. «Русский Архив», 1902, кн. 2, №№ 5-8
 В. Луганский. О русских песнях И. А. Рупнина. «Северная пчела». 1833, № 66 (25 марта)
 В. Луганский. Письмо к Издателю из Оренбурга. «Северная пчела». 1834, № 6 (9 января)
 В. Луганский. Малороссийские Повести, рассказываемые Грицьком Основьяненком. «Северная пчела». 1835, №№ 17-18 (21-22 января)
 Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М. Наука, 1978
 Столпянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908

ПЕТЕРБУРГСКОЕ НАЧАЛО, ОРЕНБУРГСКИЙ КОНЕЦ

Н. П. Анненкова-Бернар
в Оренбурге

проводили и другие её произведения. Лишь тогда, когда Анненкова сама читала свои творения с эстрады, ей сопутствовал определённый успех.

Писала Нина Павловна и драматические произведения. В своей героической драме «Дочь народа» (о Жанне Д'Арк), поставленной в петербургском Малом театре, Анненкова-Бернар играла главную роль.

Послереволюционный период жизни и деятельности этой разносторонне одарённой женщины почти не изучен. Отмечено лишь, что в 1917 году Анненкова-Бернар уехала в Оренбург. К счастью, архивные документы и местная периодика дают возможность пролить некоторый свет на прежде неизвестные страницы её биографии.

Так, в оренбургской газете «Южный Урал» от 22 октября 1917 года (за три дня до октябрьских событий!) было опубликовано стихотворение Анненковой «Россия», которое можно смело назвать прозаическим:

И
 Я люблю тебя, бедную,
 С головою победною,
 Моя родина-мать!
 Ты чёрный плащ облечённая,
 Ты идёшь, обречённая,
 На кресте умираешь.
 До глубин потрясённая,
 Жаждешь ты, иступлённая,
 Свою чашу принять.

Нина Павловна Анненкова-Бернар, урождённая Анна Павловна Бернард, известна как прозаик, драматург и актриса Александринского театра. Родилась она в 1859 году (по другим сведениям – в 1864 году), училась в Мариинской гимназии в Петербурге, на Драматических курсах В. В. Самойлова. В 1880-е годы началась её сценическая деятельность – сначала в провинциальных театрах, затем, в 1890-1893 годах – в Александринском. Особый успех имела как исполнительница ролей в пьесах А. Н. Островского.

Своим «рождением» в качестве литератора Анненкова-Бернар обязана актёру М. И. Писареву (в то время её гражданскому мужу) – именно по его рекомендации в «Книжках «Недели» был напечатан первый рассказ актрисы «Петля» (1896).

Позже Н. П. Анненкова-Бернар помещала свои рассказы из жизни бедных людей в «Русской мысли», иногда в «Русском богатстве». В 1901 году вышла в свет её книга «Рассказы и очерки», удостоившаяся внимания А. М. Горького. Правда, слова классика пролетарской литературы были малоутешительны для авторского самолюбия: «скромный, очень скромный талант». Разноречивые отзывы со-

*И врагами заклятая,
И сынами распятая,
Ты простишь им опять.
Я люблю тебя дикую,
С жаждой гнева великою
До основ сокрушаю,
Лицом внешним звериная,
Ты кротка, голубиная,
Ты – терпенье печать.
Сквозь лицо иступления,
Сквозь хаос преступления
Всё ж горит благодать
Над тобою, обиженной,
Над тобою, униженной,
Благодатная мать!*

II
*Вершаются судьбы народов свыше,
Играет мир кровавою игрой,
И нас страшит неведомое... тише...
Мы у постели матери больной...
Клокочет грудь у гневною вулкана,
Бросает в небо каменный фонтан,
До недр зияет огненная рана,
Вздымает бездны буйный ураган,
Разодрана завеса тёмной ночи:
Огни... Огни кровавые над мглой.
Пуškai не дремлют стерегищих очи
У изголовья матери больной.*

Под стихотворением значилось: Н. Анненкова-Бернар. Ниже указывалось место, где, надо полагать, проживал в ту пору автор: Оренбург.

Несколько дней спустя в том же «Южном Урале» появилось сообщение: «Общество "Народное искусство" доводит до сведения желающих, что в помещении общества (Николаевская улица, дом Мальневой) под руководством артистки правительственного Александринского театра Н. П. Анненковой-Бернар и артистки русской оперы Г. В. Киршицкой открываются классы выразительного чтения, практической драмы и пения».

В то время вопросами объединения сил оренбургских деятелей культуры занимался Н. Степной-Афиногенов, отец будущего драматурга А. Афиногенова. В 1918 году Н. Степному удалось наладить здесь издание газеты «Голос трудового

казачества» (позднее «Голос трудового казачества и крестьянства»). И хотя перед Степным, как редактором, были поставлены большевиками определённые задачи (вести, прежде всего, антидугтовскую пропаганду), политическим вопросам отводилась лишь первая полоса или даже часть её, а в основном печатались материалы о культурной жизни края и художественные произведения. На страницах этой газеты можно встретить стихи друга С. Есенина А. Ширияевца, М. Герасимова, Л. Котомки, Л. Исакова, прозу Н. Степного и др.

В «Голосе» №37 (1918, 25 мая – 7 июня) в рубрике «Искусство» был помещён отчёт о состоявшемся 5 июня собрании «представителей пяти секций». Присутствовали: от секции артистов – Н. Анненкова-Бернар, оркестрантов – Держановский, художников кисти – Шевелев, хористов – Третьяков, литераторов – Н. Степной.

На собрании был заслушан доклад Н. Степного о создании в Оренбурге Храма Музы. Докладчик отметил, что идея объединения секций в отделение вольной высшей школы возникла на Первом Литературном Утре. Попытки открыть в Оренбурге такую школу, или отделение университета, предпринимались неоднократно – и в 1906 году (Высшие курсы Киселёва), и в 1917-м. «Сейчас необходимо открыть хотя бы первое отделение Храма Музы, – утверждал Н. Степной. – Любое из зданий кадетского корпуса годилось бы для высшей школы. У нас есть лектора – профессора по музыке, пению, выразительному чтению, мелодекламации...»

Последующие номера газеты информировали о дальнейших заседаниях Храма Музы. Судя по представленному в №№ 46 и 47 протоколу, участие в обсуждении названия будущего объединения приняла и Анненкова-Бернар. Она заявила, что нельзя «давать такие неправильные названия», и подчеркнула, что та идея, которая обсуждается, ею уже проводится в жизнь – и «не лучше ли было вам присоединиться и работать вместе с нами»? Тут Нина Павловна име-

ла ввиду свой кружок «Народное искусство», которому был передан народный дом.

В 1920 году имя Анненковой вновь упоминается в оренбургской периодике – уже как руководителя театральной студии. Газета «Коммунар» (№ 78, 7 апреля) в рубрике «Театр и музыка» поместила рецензию на спектакль «Река идёт», данный студийцами в городском театре «для членов профсоюзных и их семей». Перед «поднятием занавеса Анненкова-Бернар, – пишет рецензент, – произнесла вступительное слово о пьесе, указав на её символическое настроение и на проводимую в ней революционную идею».

Но самому рецензенту пьеса явно не понравилась: «Такие пьесы ни революции, ни пролетариату вообще не нужны. В данной пьесе не река идёт, а любовь идёт, только не та свободная, высокая любовь, о которой мечтают, а лю-

бовь плотская, опошленная, низкая. Это вместо хлеба – камень голодному». Игра студийцев тоже не вызвала положительных эмоций: «вялая, бездушная...» И вообще – «смотрелась пьеса без интереса...»

Судя по всему, работать в театре и для театра становилось всё сложнее.

Но Анненкова писала драматические произведения и в Оренбурге. Например, в 1923 году она завершила пьесу «Бекет» – о киргизском учёном и поэте Ахмете Байтурсунове...

Умерла Н. П. Анненкова-Бернар 30 июня 1933 года в Оренбурге (согласно документам, найденным Е. П. Лукьяновой в местном ЗАГСе) – в возрасте 75 лет по причине паралича сердца.

В документах указан и адрес, где жила эта неуёмная актриса и писательница: Оренбург, улица Всесоюзная, 139.

Алла Прокофьева,
доктор педагогических наук,
член Союза писателей России